

УДК 376.3
ББК 4450

ГСНТИ 15.31.35

Код ВАК 19.00.01

А. В. Суворов,
Россия, Москва

A.V. Suvorov
Russia, Moscow

ОШИБКИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

MISTAKES IN ASSISTANCE

Аннотация. Автор на личном примере слепоглухого с опорными проблемами иллюстрирует такие фундаментальные психолого-педагогические принципы, как абсолютную необходимость понимать инвалида, приспосабливаться к его возможностям и исходить из них, а не из своих страхов и «зрячеслышащих» поведенческих стереотипов, навязываемых инвалиду. Представлены практические рекомендации, которые можно применять не только в случае сопровождения инвалида, но и в других ситуациях.

Ключевые слова: слепоглухота; психолого-педагогическое сопровождение.

Сведения об авторе: Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук.

Место работы: Московский городской психолого-педагогический университет, Институт проблем интегративного (инклюзивного) образования, Лаборатория психолого-педагогических проблем Непрерывного образования детей и молодежи с особенностями развития и инвалидностью.

Ошибки сопровождения инвалидов не всегда осознаются людьми. Иногда сопровождающие не хотят осознавать такие ошибки, нервничают, поэтому их ошибки чрезвычайно трудно анализировать и объяснять. Честное, самокритичное осознание

Abstract. Based on the personal experience of deaf and blind, the author illustrates such fundamental psychological and pedagogical principles as the necessity to understand the disabled, to adapt to his/her abilities, take into account his/her abilities and to be guided by them and not by one's own fears and "sighted-and-able-to-hear" behavioral stereotypes imposed on a disabled person. Practical recommendations are given, which can be followed not only in the case of assisting disabled people, but also in other situations.

Key words: deaf and blind, psychological and pedagogical assistance.

About the author: Suvorov Aleksandr Vasilievich, Doctor of Psychology.

Place of employment: Moscow City Psychological and Pedagogical University, Institute of Problems of Integrative (Inclusive) Education, Laboratory of Psychological and Pedagogical Problems of Continuous Education of Children and Young People with Peculiarities in Development and Disabilities.

того, что происходит в действительности, подменяется фантазией. Нарушается оптимальное взаимодействие между сопровождающим и слепоглухим. Найти оптимальный вариант взаимодействия очень трудно, так как это взаимодействие всегда

индивидуально и меняется со временем. Взаимодействие зависит от возраста, пола, уровня тревожности сопровождающего. Поэтому опишу несколько правил.

1. Взаимодействие должно быть гибким.

Некоторые сопровождающие сильно сковывают инициативу слепоглухого слишком жестким способом взаимодействия, оставляющим слепоглухому недостаточно свободы. Это особенно важно как раз для тех слепоглухих, у которых свободы и без того мало. Например, меня мучают постоянные головокружения, есть проблемы с равновесием, следовательно, мне приспособиться к сопровождающему намного сложнее, чем ему ко мне.

Нельзя, сжав мои пальцы, перекидывать вторую руку себе через плечо. Я в таких случаях неизменно вырываюсь и кричу, что я не мешок с картошкой.

Я заметил, что слепых с нормальным слухом обычно водят, зажав кисть их руки локтем под мышкой. О препятствиях при этом предполагается предупреждать голосом. Может быть, со слышащими слепыми это и оптимально, но я никогда не разрешал так себя водить. Я не слышу, меня о препятствиях надо предупреждать как угодно, только не голосом. А когда рука под мышкой у сопровождающего, тактильный разговор на ходу невозможен. Да и тактильный разговор не решает проблемы: пока тактильно проговоришь, что впереди ступенька вверх или вниз, арык, глубокая лужа или яма, пройдет много времени. Мне расска-

зывала слепоглухая девушка, как педагог тактильно предупреждал ее о ступеньках вверх до тех пор, пока девушка на этих ступеньках благополучно не упала. Разбила коленку...

Когда сам подстраховываешься ориентировочной тростью, прижатая локтем к боку сопровождающего рука все равно мешает, сковывает движения. Я бы мог попробовать обойти маленькую ямку, нащупанную наконечником трости, но зажавший мою руку сопровождающий не дает отклониться от него на достаточное расстояние, чтобы эта ямка оказалась между нами.

Взаимодействие через кисти рук сопровождаемого и сопровождающего тоже не всегда оптимально. Далеко не каждому я могу позволить захват «ладонь в ладонь», как в одном моем четверостишии:

Идем – ладонь в ладонь.

В твоей – горит огонь.

Мою – прожог насквозь...

Стучит, как сердце, трость.

23 мая 2002 г.

Такому контакту меня научил двенадцатилетний мальчик летом 1991 года. А я показал этот захват другому мальчику, тогда четырнадцатилетнему, которому и посвящены эти стихи. Но этот захват предполагает очень высокий уровень даже не взаимопонимания, а я бы сказал – взаимочувствования, взаимодоверия. Да и то мальчик, которому посвящены стихи и с которым мы так ходили больше всего, через несколько лет стал жаловаться на утомительность этого захвата, – рука устаёт, болит в запястье – и предпочел другой вариант взаимодейст-

вия – только за счет пальцев, без ладоней. Ладонь теперь подключается, когда надо, например, помириться или просто выразить свои добрые чувства через тот самый «огонь». В общем, захват «ладонь в ладонь» как самый удобный при совместной ходьбе давно потерял свое значение, потому что он слишком энергетический, эмоциональный. Далеко не каждому на самом деле мы настолько открыты, настолько доверяем, как это предполагается захватом «ладонь в ладонь». Когда одна взрослая женщина, сидя со мной на лавочке во дворе моего дома, при ПЕРВОЙ встрече стала навязывать мне контакт «ладонь в ладонь», я резко отстранился, дал ей понять, что мне это неприятно.

У подростков обычно САМЫЕ СПОКОЙНЫЕ РУКИ, наименьшая тревожность и наибольшая приспособляемость: рядом со мной они идут так, как будто всю жизнь по-другому и не ходили. Тормозят, когда я торможу, тут же ускоряют шаг, когда я ускоряю, и ровно настолько, насколько это сделал я. И я к ним тоже предельно внимателен, готов к любым ошибкам.

Например, одиннадцатилетнему подростку час назад объяснили, что непосредственно перед ступенькой вниз надо резко потянуть мою руку вниз; если ступенька вверх – надо также резко тянуть руку вверх; если труба или порог, надо делать моей рукой такое движение, как будто перешагиваем (эта сигнализация описана в моей книжке для подростков «Как причесывать ежика?» [1]). На лестнице, когда надо спускаться со

второго этажа, мальчик, наоборот, тянет руку вверх. Тогда я обнаруживаю наконечником ориентировочной трости, что ступеньки на самом деле ведут вниз, и ошибка подростка вызывает только общий смех. Я тут же напоминаю ему правильный сигнал.

Сжимая мои пальцы, вы рискуете передать мне свой страх перед возникшим препятствием и тем самым увеличить риск моего падения с возможной травмой в итоге. Контакт пальцев должен быть свободным, пальцы можно сжимать слегка, но ни в коем случае не судорожно вцепляться в них. Мне с моими проблемами равновесия, да еще при моей чуткости к энергетике сопровождающего и так сложно идти, я должен максимально контролировать свои движения, а судорожно вцепившиеся в мою руку пальцы сопровождающего отвлекают меня от моих движений, опять же повышая риск падения и травмы. Совсем плохо, если при попытке освобождения руки ее держат еще крепче. Тут и так сложно – ступеньки или множество мелких ямок, не поймешь, куда ногу ставить – а я еще должен отвлекаться на борьбу (иногда попросту драку) с сопровождающим, отцеплять его от себя, как клеща. К такому сопровождающему я стараюсь прикасаться минимально, не позволяю ему завладеть моими пальцами, максимум безопасного доверия – это удерживать мою ладонь на тыльной стороне его кисти. Этого вполне достаточно, чтобы не расцепить руки и удобно для дактильного общения на ходу (дактилология – пальцевый алфавит глухих и слепоглухих).

Такой сопровождающий больше занят собой, своими страхами и совершенно не способен приспособиться ко мне, я сам стараюсь приспособиться: во-первых, держусь на некотором расстоянии, не давая к себе прижиматься; во-вторых, немедленно торможу, как только рука сопровождающего напряглась, чтобы с разбега не оказаться впереди него. Оказаться впереди сопровождающего очень опасно, потому что при моем постоянном головокружении могу выпрямиться больше, чем надо и упасть на спину. Мне всегда безопаснее быть слегка внаклон, так равновесие сохраняется лучше.

По этой причине, если мне надо спуститься с тротуара на мостовую, сопровождающий должен быть впереди меня, а никак не сбоку. Я иду за ним. Он должен спуститься и отойти от бордюра на шаг-другой, и я, не выпрямляясь, *опираясь на трость, а не на его руку, как он может ошибочно подумать*, вступаю с тротуара рядом с ним. Но только вслед за ним, только после того, как он спустился и отошел от края тротуара, чтобы мне тоже было куда спуститься, двигаясь вслед за ним.

Такая же ситуация возникает и при выходе из транспорта, когда сопровождающий не догадывается отшагнуть от дверей автобуса, троллейбуса, трамвая, метро, электрички. Я иду *только за ним* и рискую споткнуться о сопровождающего. Насколько я понимаю, эта ошибка, как и многие другие, объясняется весьма распространенной неспособностью (да нередко и нежеланием) представить себя на моем месте, переносом

на меня зрячих стереотипов восприятия, ориентировки.

Хочу отметить также, что я предпочитаю на сопровождающих НЕ ОПИРАТЬСЯ. Если, конечно, не угораздило, например, ногу подвернуть. Тогда приходится опираться на плечо, чтобы дойти до дома. Обычно же касаюсь руки, но не опираюсь на нее, как сопровождающий может вообразить, а преодолеваю ее сопротивление, если сопровождающий нехотит тормозит мое движение (один из многих случаев, когда на руку сопровождающего приходится давить, но давить – не значит опираться). Кроме того, многие сопровождающие слишком высоко задирают руку, к которой прикасается моя рука; приходится просить опустить ее, а если на просьбы не реагируют – опускать силой, давить. Дело в том, что при слишком высоком положении руки быстро немеет плечо. Обычно, особенно с неопытным сопровождающим, стараюсь, едва его рука напряглась, притормаживать и ждать, пока он расслабится и продолжит движение. При этом мы можем совсем остановиться и топтаться на месте.

Такие ситуации могли бы показаться смешными, если бы не были связаны с излишним нервным напряжением. Некоторые чрезмерно тревожные женщины, ощущающие только свой страх, могут даже с кулаками накинуться на сопровождаемого, предъявляя бессвязные обвинения и оскорбления, не имеющие ничего общего с реальной проблемой. Однажды я подвергся такой агрессии и запомнил это на всю жизнь.

Для опоры у меня трость, костыль, изредка даже ориентировочная трость – когда спускаюсь, могу поставить ее вертикально и перенести на нее тяжесть тела, пока нога ищет следующую ступеньку. Вообще-то ориентировочная трость для опоры не предназначена и может погнуться. Но если поставить вертикально, то на несколько секунд опереться можно (если она уже не погнулась раньше).

Мой друг, режиссер Альгис Арлаускас, подарил мне замечательную канадскую складную трость, очень прочную, металлическую, так что можно спокойно опираться, как на лыжную палку. У нее цилиндрический вертящийся наконечник. На нижнюю плоскость цилиндра можно опираться, а когда используешь трость как ориентировочную, она благодаря вращению цилиндрического наконечника не застревает в мелких ямках.

Сильно усложняет жизнь и дрожь в руках сопровождающего. Дрожь произвольна – такая болезнь, или что-то испугало... Но касаться такой дрожащей руки и оставаться спокойным, продолжать путь сложно. Тогда контакт с кистью руки сопровождающего лучше вообще прервать. Чтобы не заразиться его состоянием, лучше положить свою руку ему на плечо и идти следом. Это весьма эффективно корректирует и скорость. Иногда сопровождающий начинает идти слишком быстро, не реагируя ни на какие просьбы притормозить; тогда можно остановиться и снять руку с его плеча.

Ему придется за мной вернуться и волей-неволей сбавить темп.

Однако нельзя снимать руку с плеча сопровождающего, когда мы переходим через дорогу. Я еще студентом прочитал в журнале для слепых детей, что машина скорее собьет того, кто мчится через дорогу напролом, стремглав, а спокойно идущего пешехода видно издали, всегда можно успеть притормозить. Тот, кто торопится, наоборот, может появиться на проезжей части неожиданно, тем самым подвергая риску и себя, и водителя, и окружающих.

Та статья в детском журнале начиналась жуткой сценой: мальчик переходил через дорогу, чутко прислушиваясь; но за ревом самосвала не расслышал быстро несущейся «Волги». Чтобы не задавить мальчика, водитель «Волги» бросил машину на тротуар, не справился с управлением, и сбил женщину с коляской. Рванулся за уходящим мальчиком, да только в отчаянии передумал: мальчишка был слеп. Вывод из этой ситуации: не стесняйся просить зрячих помочь тебе перейти через дорогу.

Мне еще читали плакат на железнодорожной платформе: «Что вам дорожке – жизнь или сэкономленные минуты?». Плакат адресован тем, кто пытается успеть на отходящую электричку, уже закрывающую двери. Лучше, конечно, подождать следующую электричку, и в любом случае логика плаката неотразима: жизнь дорожке любого опоздания.

2. Иголлка позади нитки не ходит.

Эту бесспорную истину приходится часто напоминать, когда сопровождающий пытается вести меня

перед собой. Если оказываюсь впереди сопровождающего, то иду в неизвестность, потому что ничего не вижу. Но, к сожалению, сопровождающие часто этого не понимают. То, что сопровождающий видит препятствие, а я – нет, не помогает преодолеть это препятствие. Наоборот, если я впереди сопровождающего, препятствие оказывается еще более труднопреодолимым.

Как перейти арык, полный воды? В моем родном городе, столице Киргизии Бишкеке, арыки везде – они отделяют тротуары от мостовой, орошая деревья. Часто бывает нужно такой арык перешагнуть, и шаг надо делать широкий. Слепой не может знать ширину арыка. Сопровождающий должен перейти на другой берег арыка и оттуда подать руку сопровождаемому, а тот, нащупав тростью твердую почву рядом с сопровождающим, спокойно перешагнет туда. При этом, когда я перешагиваю арык, сопровождающий сгибает в локте свою протянутую руку, чтобы не тормозить мое движение. Но до такого простого способа преодолевать арык мы додумались удивительно не скоро. То есть я, после нескольких «купаний» в грязных арыках, додумался быстро, однако долго не мог объяснить сопровождающему. Мои сопровождающие скорее готовы были приписать неудачи моей неуклюжести.

Если вы выпустили сопровождаемого вперед себя, то вы должны вообще оставить его в покое – пускай решает проблему сам. Например, на лестнице мою руку кладут на перила или, если их нет, на сте-

ну, и я сам преодолеваю ступеньки. Если ни перил, ни стены, и за краем ступенек – пустота, обрыв, – лучше всего подставить под мою руку плечо. Придерживаясь за плечо, я одолею эти ступеньки (бывают такие крылечки, где иначе никак.)

Главное – никакой паники! Спокойнее! Не суетитесь! И помните, что вы меня ведете, а не я вас. Иголка всегда должна быть впереди нитки. Вы – иголка, я – нитка. А что нитку сзади не видно, не беспокойтесь: зато нитке «видно» иголку, мне – сопровождающего, на которого я и ориентируюсь.

Как-то в горах мальчик, ночевавший со мной в одной палатке, сказал мне вечером, что по радио принято «смерчевое предупреждение», палаточный лагерь может оказаться на пути смерча. Мальчик сказал также, что если ночью будет смерч, то мне надо ориентироваться на моего юного друга. Слава Богу, наши палатки не оказались на пути смерча, и узнать на практике, как именно ориентироваться на моего юного друга, не пришлось... Впрочем, этому человеку – своему названному сыну (которому, кстати, посвящены и стихи про захват «ладонь в ладонь») – я доверился на двести процентов, вообще решившись пойти в горы. Мало кому можно так довериться на обычной городской улице...

3. Слепому тоже должен ориентироваться.

Об этом зрячие сопровождающие сплошь да рядом забывают. Удивительным образом трудно доходит до сознания, что для того, чтобы можно было кого-то вести, этот

кто-то должен сам ИДТИ. Пусть следом за вами, но сам. А для этого надо постоянно ориентироваться. На сопровождающего надейся, а сам не плошай. Ощупывай перед собой дорогу ориентировочной тростью, опирайся на опорную трость или на костыль, а опорная трость и костыль в моих руках всегда выполняют и роль ориентировочной трости. Я нащупываю ими край ступеньки, которую надо преодолеть. И мне нужно предоставить на это достаточно времени. Впрочем, в нормальных условиях, когда у меня ничего не болит и я могу позволить себе идти с ориентировочной белой тростью слепых, достаточно перед ступенькой просто притормозить.

Нельзя топтаться на неровностях, на которых есть риск подвернуть ноги, а то и переломать их. Но бывает, что сопровождающий, за меня же страдая, держит меня на этом препятствии, вместо того чтобы как можно скорее перевести меня через него. Даже не перед неровностями, а прямо на них. Надо позволить ощупать эти неровности наконечником трости и, не останавливаясь, только слегка затормозив, пройти через них. Обнаружив много маленьких кочек и ямок под наконечником трости, я постараюсь поднимать ноги выше – вот и вся хитрость. Давно уже заметил в бездорожье детских лагерей, что, когда поднимаешь ноги выше, риск подвернуть их на маленькой неровности меньше. И не надо, конечно, на этих неровностях плясать, нужно пройти через них как можно быстрее, не уделяя им лишнего (весь-

ма травмоопасного) внимания. Но перепуганный сопровождающий останавливается по ту сторону препятствия и не пускает меня дальше! Я уже на этих неровностях, непонятно, на чем и стою, а он никак не пойдет дальше с тем, чтобы и я мог пойти следом за ним. Струной напряг руку, вместо того чтобы расслабить ее, согнуть в локте, дать мне тем самым возможность шагнуть вслед за сгибом. Сопровождающий при этом полностью уверен, что обо мне же, неблагодарном, заботится, и не понимает, что ничего нельзя придумать хуже, чем мелкие неровности преодолевать потихоньку. Ноги соскальзывают, вот-вот подвернутся, лучше побыстрее передвинуть их с этого места на шаг вперед, но куда, сопровождающий там застрял...

Мне приходилось переходить вброд горные речки. Сплошные камни, мелкие и не очень, стоять невозможно, надо идти. Остановишься – рискуешь получить травмы конечностей. Я подстраховывался, бинтовал суставы эластичным бинтом, но ведь на подобной «поверхности» можно просто упасть... Сопровождающий должен меня вести так быстро, как только я смогу за ним следовать. Самое безопасное – не задерживаться ни одной лишней секунды на этих буграх. Сынок так меня и водил. А неопытный сопровождающий, как нарочно, задерживает! И меня же при этом обзывает дураком.

Конечно, на такие бугры тоже не запрыгнешь с разбегу. Хотя если всего лишь разбитый асфальт, ино-

гда не успеешь испугаться, как все уже позади. Правильнее сделать так: притормозили – я понял, какое препятствие впереди, мобилизовался, и дальше надо как можно скорее идти туда, где более ровно. Ни в коем случае не топтаться на месте, где это препятствие! Или уж переносите на руках, если сумеете поднять мои сто с лишним килограммов...

4. Никаких лишних движений.

Это правило на самом деле ВСЕГДА действует в общении со слепоглухими, потому что движений, которые бы ничего не означали, для нас НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Любое прикосновение имеет смысл, ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ. При слепоглухоте больше не на что обращать внимание... Только по прикосновениям мы вообще как-то ориентируемся в этом мире.

Я всегда пугаюсь и могу от неожиданности ударить, если со мной неожиданно начинают играть. Я не против игры, но я должен как-то к этому морально подготовиться. А если я просто иду в свою комнату или выхожу из нее, и вдруг по моей спине забегали пальцы, начали щекотать... Очень некстати. Если уж так хочется, лучше делать это, когда я сижу. Ноги у меня иногда подгибаются совершенно произвольно, такое нападение может это спровоцировать... И опять риск падения и травмы.

Ничего не поделаешь: с нами лучше сдерживать безотчетные порывы, импульсы. Последствия могут оказаться неприятными.

И опять – пальцы! Пальцы – это наши лучи, самая чуткая часть

тела. Бывает, что сопровождающий видит красный свет, начинает паниковать при переходе дороги и начинает дергаться в разные стороны, при этом быстро-быстро сжимая и отпуская мои пальцы. В этой ситуации я не понимаю, что должен делать. Я чувствую, что ситуация не совсем нормальная, хотя мне еще не объяснили, в чем ее ненормальность. В любом случае, мне надо мобилизоваться, то есть сосредоточиться на себе, на своих движениях. А мельтешение под пальцами, даже хуже МЕЖДУ пальцами отвлекает и раздражает. Поневоле прикрикнешь: «Не суетитесь!» – и выдернешь руку из руки сопровождающего. Приходится это делать даже посреди дороги, иначе вообще невозможно идти, пока это мельтешение не прекратится. Опять же лучше положить руку на плечо запаниковавшего сопровождающего. Пускай дергается, я буду дергаться за ним следом, но смогу полностью контролировать мои собственные движения, не отвлекаясь на панические движения его пальцев между моими пальцами.

5. Не настаивайте на ошибках!

Вообще, чем меньше безотчетности в отношениях с нами, слепоглухими, тем лучше для всех. И ничем нельзя оправдать невнимательность в этом, никакими ссылками на то, что уж такой уродился, такой получился, так привык... ПЕРЕУЧИВАЙСЯ! Если не хочешь угробить или покалечить слепоглухого, и без того уже калечку, учись быть внимательным, учись контролировать себя полно-

стью, война, война и война всякой неуместной безотчетности! Сопровождающие, доигравшись до беды, всегда сумеют себя оправдать в собственных глазах и найдут, в чем обвинить самого слепоглохого. Откажутся понимать, что причиной несчастья явилась именно неуместная безотчетность, импульсивность не вовремя. Будут яростно спорить, выдумывать другие причины, искать, в чем обвинить пострадавшего. Подумаешь, подвигали с перепугу пальцами между пальцами слепоглохого! Да быть того не может, чтобы именно из-за этого он разозлился, а то и вовсе упал и что-то там себе повредил...

А я злюсь именно из-за этого, и хорошо, если только этим и кончилось. Хуже, если упал, травмировался. Но и так бывает, причем из-за моментов, которые кажутся сопровождающим пустяками. Согласитесь, что лучше не создавать прецедент трагической развязки.

В споре между сопровождающим и сопровождаемым чаще прав сопровождаемый. Не стоит настаивать на ошибке. Не стоит забывать, что возможности сопровождаемого меньше ваших, иначе он не нуждался бы в ваших услугах. Не нужно навязывать слепоглохому свои привычки – стереотипы восприятия, мышления, безотчетности, невнимательности всякого рода. Наоборот, нужно попытаться представить себя на его месте, не создавая лишних проблем – их и без того достаточно. Попробуйте, когда ведете человека за руку, помнить о нем, а не только о своих страхах

или о том, как вы обычно привыкли действовать. Обычно вы за руку слепоглохого не водили, а сейчас вот пришлось вести, и то ваше «обычное» лучше всего забыть: в данной ситуации оно не нужно, может помешать и даже привести к самым печальным последствиям. Не оправдывайте своей безответственности тем, к чему вы привыкли «обычно», тогда, когда среди ваших знакомых еще не было ни одного слепоглохого.

Еще раз повторю: не смейте настаивать на своих ошибках! Для всех лучше будет, если вы попытаетесь осознать и исправить их.

Обычно, когда мои пальцы безотчетно сжимают и я их высвобождаю, это резкое движение удивляет сопровождающего, но он тут же делает правильный вывод, что по какой-то причине лучше на своем не настаивать, предоставить мне касаться его руки так, как я сочту более удобным в данных обстоятельствах. Однако иногда бывает, что люди пытаются сжать мои пальцы снова, да так, чтобы уже не вырвался... Это и есть настаивание на ошибке, ее усугубление. Зачем?

Обычно, затормозив перед препятствием, сопровождающий продолжает путь, как только я слегка нажму на его руку, тем самым дав понять, что все в порядке, я понял ситуацию, мобилизовался. Но изредка сопровождающие впадают в панику и страшно суетятся из-за любого камешка на дороге – как нарочно, чтобы я на этот камешек наступил, рискуя получить травму ноги. Ошибка – вынуждать

топтаться на буграх, еще большая ошибка – настаивать, что именно так безопаснее (на самом-то деле наоборот!).

Я бы никогда не написал этой статьи, если бы не напоролся особенно болезненно на те случаи, которые происходят «изредка», когда человек делает элементарные ошибки, настаивает на них, да я же у него еще и в дураках хожу.

Ну, что ж, нет худа без добра. Зато теперь другие, прочитав мою статью, будут знать, где стелить соломку. И сколько-то дружб сохранится, не рухнет из-за чьей-то чрезмерной тревожности. Из-за манеры настаивать на ошибках, объяснять (то есть оправдывать) ошибки, а не осознавать их и исправлять.

Имеющий уши – да услышит.

Имеющий очи – да увидит.

Имеющий голову – да вникнет!

А чтобы обижаться – кому ума недоставало?

б. Роляторы.

Предыдущее написано пять лет назад. С тех пор кое-что изменилось.

Смолоду, со студенческой поры, я вынужен был разделить человечество на тех, кому ничего не надо объяснять, и тех, кому что-либо объяснять бесполезно. Первых, пожалуй, меньшинство, но, к счастью, по крайней мере, в моем окружении, не такое уж малочисленное.

Им ничего не надо объяснять, потому что они не позволяют себе забыть о моей слепоглухоте, не хозяйничают, например, без предупреждения на моей территории, все ставят и кладут на то же место, где

взяли. Мой названный сын не терпит, когда я начинаю говорить в пустоту. Если, например, меня заглушает уличный шум, он кричит дактильно:

- Спам! Спааам!! Спаааааам!!!

Когда становится тихо, не забывает поинтересоваться:

- Так что ты хотел сказать?

Меня это так поражает и трогает почти до слез потому, что гораздо чаще меня стесняются перебить, предоставляя вещать в пустоту, а если потребуется реакция и обнаруживается, что не слушали, – тем самым обнаруживается и полное равнодушие собеседников ко мне.

Когда сын вел меня за руку, он раньше меня чувствовал, что я напрягся. Вдруг начинал трясти мою руку, да так, что вытрясал душу из наручных часов, которые останавливались:

- Расслабься!!!

- А я разве напрягся? – удивлялся я.

При такой сверхчуткости сопровождающего я полностью ему доверяю, чувствую себя в полной безопасности, хотя сын всегда выжимает из меня всю доступную мне резвость – ведет так быстро, как только могу. Без малейшего при этом насилия. Как только начинаю уставать или ноги непроизвольно подгибаются, он притормаживает, давая мне прийти в себя.

Что касается тех, кому бесполезно что-либо объяснять. О. И. Скороходова рассказывает: «В отношении расстановки мебели в комнате я чаще всего поступаю по собственному усмотрению, исходя из того, что

для меня удобно или неудобно. Прежде чем расставить вещи, я должна тщательно изучить комнату. Только после этого я чувствую себя совершенно свободно в своей комнате. Если же у меня бывают зрячие гости и, забывая о том, что я не вижу, производят в комнате беспорядок – бросят стул среди комнаты, поставят посуду не там, где обычно ставлю я, – меня это раздражает, и я отказываюсь понимать, почему зрячим так нравится беспорядок. Однажды подруга пила воду и оставила чашку на краю стола. Я же была уверена, что чашка стоит на своем обычном месте. Я хотела стереть со стола крошки, размахнувшись рукой, свалила чашку на пол, она разбилась.

Я рассердилась на подругу: «Ты не хочешь понять, что я не могла узнать, что чашка стоит на краю стола... Ведь для меня она всегда на своем привычном месте, и я протягиваю руку совсем не в ту сторону, где ты оставила чашку».

Подруга весьма легкомысленно отвечала: «А ты привыкай к тому, что я могу оставить чашку там, где вздумается».

Ты говоришь очень странно, забываешь, что имеешь дело с незрячим человеком. Для тебя как для зрячей не составит большого труда одним взглядом окинуть комнату и увидеть нужную вещь. А мы, слепые, если вещь переставлена без предупреждений, не представляем того места, на котором она стоит, мы представляем ее на старом месте и, если не находим там ее, должны потратить иногда немало усилий, чтобы найти то, что нам нужно...» [2].

Мой горький опыт убеждает, что пререкаться с такими «легкомысленными» деятелями бесполезно. Конечно, я пытаюсь объяснять, подсказывать, но все повторяется...

Я много раз говорил брату, что со мной нельзя сокращать дорогу. Безопаснее при малейшей возможности вести меня по нормальному асфальту, а не по узким неровным дорожкам. Но он всегда норовил сократить путь по бездорожью, хотя подчинялся, если я спохватывался вовремя и тормозил его.

Вечером 25 июня 2010 года я вовремя не спохватился. Надо было свернуть во двор жилого дома и оттуда по нормальным асфальтовым аллеям пройти до железной дороги, а вдоль нее до дома, где я живу. Брат же пошел через школьный двор по узкой, покрытой плитками, очень неровной и опасной для меня дорожке, по которой я много лет просил его со мной не ходить. Но в этот раз я некстати расслабился, не повернул его вовремя во двор жилого дома, к железной дороге и так далее – на гораздо более длинный, зато безопасный маршрут. Навстречу ехал подросток на велосипеде. Брат дернулся от него, я подвернул правую ногу на краю плитки, упал и не смог встать. Оскольчатый винтообразный перелом правой голени, обеих берцовых костей. Более полугодя я лежал в гипсе, который сняли только 6 января 2011 года.

В конце того же января мой друг Марина Мень заказала в интернет-магазине ходунки-роляторы. Они представляют собой четырехколесную тележку с регулируемыми по

высоте поручнями для опоры, велосипедными тормозами (которые сын по моей просьбе в конце концов снял), откидной скамейкой, чтобы отдыхать, как только устанешь, и довольно вместительным багажником под этой скамейкой, когда она не в рабочем положении.

Я очень быстро высоко оценил преимущества этого транспортного средства. Зрячий направляет роляторы, куда надо, а я иду следом, как могу, опираясь на поручни обеими руками. Проблемы моего равновесия, устойчивости – отныне почти исключительно только мои проблемы. Передние колеса вовремя предупреждают обо всех неровностях. При угрозе оступиться я просто на секунду повисаю на поручнях, переступаю ногами, поправляя положение тела, и никаких травм нет. Даже на очень неровной поверхности, даже на грунтовой лесной тропинке, петляющей по склону холма. Устал – уткнул передние колеса в сугроб, в бордюр тротуара, ствол дерева, столб, стену, дабы тележка из-под меня не уехала, и уселся отдохнуть. Через несколько минут едем дальше.

Без роляторов я был бы уже, после того жуткого перелома, фактически колясочником. А так – хожу. Даже один возле дома. В багажнике всегда лежит складная трость. Когда я один, левой рукой придерживаюсь за роляторы, а правой ощупываю дорогу. Равновесие сохранять все равно легче, чем если бы в левой руке у меня была опорная трость или костыль. Когда водили за руку – это было целое искусство сопровождения, как очевидно из всего вышеска-

занного. Буксировать же меня, направляя роляторы, не труднее, чем везти ребенка в санках – только вовремя притормаживай в сложных местах и снова набирай крейсерскую скорость, где ровно. Ну и считайся с моей усталостью, конечно... Но я устаю все меньше, выдерживаю все более длительные переходы.

Великое преимущество роляторов перед инвалидной коляской – с ними все-таки сам идешь, а не тебя везут. Сохраняется возможность ходить, притом в максимально безопасном режиме. Замечательное средство постинсультной и, в моем случае, посттравматической реабилитации. К сопровождающему минимальные требования – почти никаких. Даже самый тревожный, нечуткий, негибкий, жестко авторитарный сопровождающий, направляя роляторы, наделает меньше ошибок.

Как жаль, что у меня не было роляторов раньше, еще в молодости. Ведь без зрения и слуха, с нарастающими проблемами равновесия, роляторы явились бы великолепной профилактикой травматизма. Но я не знал об их существовании. Да и если бы знал, ошибочно посчитал бы их ненужными, пока достаточно шустро обходился опорной тростью...

Литература

1. Скороходова, О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / О. И. Скороходова. – М. : Педагогика, 1972.
2. Суворов, А. Как причесывать Ежика? / А. Суворов // Внеклассное чтение. – 2001-2003; Сударыня. – 2012, март – июнь. – № № 3, 4, 5, 6.